

Пирамида

Мне постоянно хочется увидеть
Людей, что не приходят в жизнь мою.
Сползал на дно по скользкой пирамиде,
Но вовремя я вспомнил про семью.

Звенел, гремел, резвился и маячил
Как будто популярный футболист.
Я был есенинский сопливый мальчик,
Теперь я взрослый, и душою чист.

Я стану толстым, даже круглолицым,
И буду есть невкусную еду.
Из всех своих линейных композиций
Я выбрал счастье, и к нему иду.

Автопилоты

Ветер срывает и топит афиши
В лужах непрожитых дней.
Ездят по городу пьяные Миши,
Жизни крадут у людей.

Водят по городу автопилоты,
И не приводят домой.
Если порой за рулём бегемоты –
Значит, нам снится покой.

Ездят магнаты и аристократы.
Может их кто-нибудь съест?
В зеркало гордо глядят адвокаты,
Только не смотрят на крест.

Страх

Освобождаю хрупкий свет
От чёрных точек прошлой ночи.
Ложатся вещи на паркет.
Ты уходить домой не хочешь.

Мурашки тают, греет страх,
Твою пыльцу и дрожь ловлю я...
И остаётся на губах
Солёный пепел поцелуя.

Она ещё живая

Постой! Не трогай простыню,
Она ещё живая,
Она хранит любовь твою,
Как рана ножевая.

Ты рисовала на стене
Последнюю неделю,
И растирала ты постель
Шершавую метелью.

Ты уходи, я приберу,
И в спальню дверь закрою,
И в сердце кроличью нору
Заполню свежей кровью.

Привет

Дмитрию Мурзину

Я шлю Щегловску пламенный привет,
Привет родной как в поле мать-и-мачеха.
Его получит друг мой — он поэт,
Поэт с премудрым взглядом математика.

Среди пожара социальных лент
Спасёт стихами он любого блогера.
И он региональный компонент,
Не ёжится, и никого не трогает.

В воде бенгальской не утонем мы,
Пусть смеются и язвят хапуги, но
Я шлю тебе привет среди зимы,
И ставлю подпись: Дима из Кольчугино.

Скоро

Ты скоро станешь некрасивой,
Состаришься и станешь толстой,
Ты перестанешь быть игривой,
И будешь прятаться от гостя.

Не станешь, лёжа на кровати,
Ласкать мои кривые локти,
И не заляпаешь ты платье,
Не разорвёшь платок со злости.

Ты станешь медленной и скучной,
И глупую чуть-чуть, немножко,
Ты станешь вредною колючкой
Моя стареющая кошка.

Сон времени

Сон времени наивный и смешной,
Подростки дремлют поперёк эпохи,
Разделены межкомнатной войной,
На выдохе не врут, а врут на вдохе.

Играет кролик солнечный в окне,
Рисует на стекле подросткам знаки...
Не хочется им топтать по стране,
Нашли приют в тик-токе и в тик-таке.

Быть может, с высоты капризных лет
Смотрю и ничего не понимаю.
Я вспоминаю деревенский свет,
Где я подростком бегаю по маю.

Девяносто пятый год

Я хороший, день плохой,
В плеере играет Хой.
Девяносто пятый год,
Задыхается завод.

Я подстриженный под бокс.
Спит в розетке Фумитокс.

Под зарплату рис, мука,
Сахара по три мешка.

А в деревне огород.
Баба ждёт, и деда ждёт.
Каждый вечер пироги
И рыбалка у реки.

Девяносто пятый год,
Загибается народ.
Чёрно-белая страна,
Без деревни нам хана!

Четыре дня

В реанимации четыре дня.
И мир перевернулся черепахой.
Предупреждала добрая родня,
Но я гулял с есенинским размахом.

Я падал вниз, а надо мной врачи
Спасали мной запущенное тело.
Свой карандаш души я не сточил,
Ещё не жил, и ничего не сделал.

Я темнотой дышал и запах стен
Впитался в кожу и в мои сосуды.
Я выжил, я стерпел больничный плен.
Исправлю всё я, и начну с посуды.